

Г. В. Апилян

О ПОНЯТИЯХ «ДЕВИАЦИЯ», «ДЕВИАНТНОСТЬ», «ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

*Работа представлена кафедрой философии РГПУ им. А. И. Герцена.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. А. Грякалов*

Понятие «девиация» следует рассматривать как категорию, т. е. наиболее общее понятие, фиксирующее собственно феномен, а термином «девиантность» обозначать состояние субъекта девиации, термином «девиантное поведение» – поведенческое проявление. Девиация имеет множество типов и форм: от коллективной до индивидуальной, от сакральных и сакрализованных до игровых.

Ключевые слова: девиация, девиантность, девиантное поведение, экстрим.

G. Apinyan

NOTIONS OF “DEVIATION”, “DEVIANCE”, “DEVIANT BEHAVIOUR”

The notion of “deviation” should be viewed as a category, i. e. the most general notion fixing the phenomenon itself. The term “deviance” denotes the state of a subject of deviation; the term “deviant behaviour” means behavioural manifestation. Deviation has many types and forms: from collective to individual one, from sacred and sacralised to game ones.

Key words: deviation, deviance, deviant behaviour, extreme.

Проблема девиации (отклоняющегося поведения) является одной из центральных в современной психологии, социологии, подростковой педагогике, политологии и т. д. Девиация имеет множество форм и типов. Коллективная, сакральная по своей сути, или являющаяся игровым реликтом таковой: культово-обрядовые действия, традиционные праздники, карнавал, государственные и «народные» праздники.

Девиантное поведение в экстремальных условиях: от погрома, бунта и революции до витальных ситуаций при землетрясении или террористическом акте. Данный тип девиации имеет свои внутренние этапы и формы проявлений.

Девиация коллективного типа связана непосредственно с девиантной ситуацией. В зависимости от преобладающей референции феномен приобретает характер управления (включая магическое) или деструктивной

реакции. Одним из вариантов девиантного поведения являются молодежные движения: от «студенческой революции 68-г.» до современных «экстремалов».

Особую форму девиации представляют собой девиантные сообщества: институтированные (пиратское «братство», мафиозные кланы и пр.) и иерархически структурированные (хулиганские сообщества, криминальная группа, «банда»).

Индивидуальная девиантность может иметь сакральный характер, ее носители – шаман, юродивый, святой. Имеет светский вариант: денди, философ, человек художественной или социальной богемы, нищий или «клошар».

Среди типов и форм девиации выделяется личность творческого (художественно, научного) андеграунда – противопоставляющая себя обществу и традициям, вступающая с ними в конфликт. Девиантность и

деструктивность являются существенными чертами психологемы андеграунда (богеми).

В исследовательской литературе употребляется ряд понятий, характеризующих рассматриваемый нами феномен девиации. Полагаем необходимым «развести» эти понятия.

На наш взгляд, понятие «*девиация*» следует рассматривать как категорию, т. е. наиболее общее понятие, фиксирующее собственно феномен.

Термином «*девиантность*» обозначать состояние субъекта девиации, а термином «*девиантное поведение*» – поведенческое проявление.

Категориальный характер термина «девиация» подтверждает тот факт, что он имеет расширяющийся характер, включает в предмет обозначения самые разнообразные феномены, характеристика которых в данном аспекте также носит контекстуальный и конкретный характер. Например, как формы девиации можно рассматривать современные молодежные движения и субкультуры, хотя эти феномены имеют специфическую природу и функционирование в социуме [3]. Еще одним примером выступает художественный андеграунд и поведение творческих личностей.

Неопределенность понятийного аппарата, наблюдаемая в девиантологии, связана с тем, что девиантология является относительно молодой наукой, понятийный аппарат которой находится в развитии.

Девиантное, или отклоняющееся (от лат. *deviatio* – отклонение), *поведение* всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, а также «девиантный» образ жизни, «девиантный» стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, среде, группе.

Выработку более или менее устойчивых и однотипных определений девиантного поведения затрудняет множественность и неоднозначность его проявлений, а также зависимость

оценки поведения как «нормального» или же «отклоняющегося» от ценностей, норм, ожиданий (экспектаций) общества, группы, субкультуры; изменчивость оценок со временем, конфликт оценок различных групп, в которые входят люди, наконец, субъективные представления исследователей (девиантологов).

Девиантным называют поведение, которое не соответствует нормам и ролям. При этом одни социологи в качестве точки отсчета («нормы») используют *ожидания* (экспектации) соответствующего поведения, а другие – эталоны, образцы *поведения*. Некоторые полагают, что девиантными могут быть не только действия, но и *идеи*, взгляды [7].

Девиантное поведение нередко связывают с *реакцией общества* на него и тогда определяют девиацию как отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя.

Исходя из самых общих представлений, можно дать следующее определение: *девиантное поведение* (*deviant behavior*) – это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

При этом под «официально установленными» понимаются формальные, правовые нормы, а под фактически сложившимися – нормы морали, обычаи, традиции.

В девиантологических исследованиях первоначально оговаривалось (или понималось из контекста), в каком смысле употребляется выражение «девиантное поведение» – как характеристика *индивидуального* поведенческого акта или же как социальный феномен. Позднее для обозначения последнего стали применять термины «девиация» («отклонение»), «девиантность» или же «социальная девиация» («социальное отклонение»). В качестве сложного социального явления девиации определяются как «такие нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях» [1].

В английском языке, на котором написано большинство мировой девиантологической литературы, для характеристики соответствующего социального явления, свойства общества породить «отклонения» обычно употребляется слово *deviance* – девиантность («отклоняемость» – неудобная для русского языка грамматическая форма).

Более других распространены следующие определения девиантности (*deviance*): отличие от норм или от приемлемых (допустимых, принимаемых) стандартов общества; некоторое поведение или физическое проявление, социально вызывающее и осуждаемое, поскольку отклоняется от норм и ожиданий группы.

Современная «Энциклопедия криминологии и девиантного поведения» (2001) различает три основных подхода в определении девиантности: девиантность как *поведение, нарушающее нормы* (R. Akers, M. Clinard, R. Meier, A. Liska, A. Thio); девиантность как *«реагирующая конструкция»* (D. Black, H. Becker, K. Erickson, E. Goode); девиантность как *нарушение прав человека* (H. Schwendinger, J. Schwendinger).

По мнению криминологов (H. Hess, S. Scheerer), преступность (вид девиации, но сказанное можно применить и к другим ее формам) – не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер.

Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Общественная или государственная *оценка* проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* – результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание. Огромная роль в такой «конструкторской» деятельности принадлежит *политическому режиму*.

При определении девиации чаще всего используются сопряженные понятия «*патология*» и «*норма*».

Термин «патология» («социальная патология»), как нам кажется, неудачен. Слово «патология» происходит от греческих «страдание» и «слово, учение» и в буквальном смысле означает науку о болезненных процессах в организме живых существ (человека и животного). В переносном, этимологически неточном смысле, патология – это болезненные нарушения строения, функционирования или развития каких-либо органов или проявлений живых организмов (патология сердца, патология желудка, патология умственного развития). Перенос медицинского (анатомического, физиологического) термина в социальную сферу двусмыслен и несет «биологическую» нагрузку, «биологизирует» социальную и культурную проблему. Кроме того, даже в медицине, откуда пришел этот термин, понятия нормы и патологии дискуссионны. И. П. Павлов, И. В. Давыдовский рассматривали *болезнь как вариант нормы*, а так называемые патологические процессы и болезни – как особенности приспособительных процессов.

Наконец, девиации могут быть полезны, прогрессивны, тогда как термин «патология» воспринимается как нечто отрицательное, нежелательное.

Исходным для понимания отклонений является понятие *нормы*. В теории организации сложилось наиболее общее – для естественных и общественных наук – понимание нормы как *пределов, меры допустимого*. Это такие характеристики, «границы» свойств, параметров системы, при которых она сохраняется (не разрушается) и может развиваться. Для физических и биологических систем – это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечиваются сохранность и развитие системы. Это – *естественная, адаптивная норма*, отражающая закономерности существования системы. Так, биологическая система существует при определенных «нормативах» температуры тела (для человека от +36 до +37 °С), артериального давления (для человека 120/80 мм ртутного столба), водного баланса и т. п.

Социальная и культурная нормы выражают исторически сложившиеся в конкрет-

ном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций.

В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов социальные и культурные нормы складываются (*конструируются*) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому данные нормы могут либо соответствовать законам общественного развития (и тогда они являются «естественными»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается *анормальной* сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

Следует отметить, что существует немало классификаций социальных норм по разным основаниям. Так одну из возможных классификаций предлагает и обосновывает Т. Шипунова [5].

Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). Что считать отклонением, зависит от времени и места. Поведение, «нормальное» при одном наборе культурных установок, будет расценено как «отклоняющееся» при другом.

И наконец, организация и дезорганизация, «норма» и «аномалия» (отклонение), энтропия (мера хаотичности, неупорядоченности) и негэнтропия (мера организованности, упорядочения) *дополнительны* (в понимании Н. Бора). Их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы. «Порядок и беспорядок существуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира» [4].

Именно *отклонения как всеобщая форма изменений* обеспечивают «подвижное равновесие» (А. ле Шателье) или «устойчи-

вое неравновесие» (Э. Бауэр) системы, ее сохранение, устойчивость через изменения. Другое дело, что само изменение может быть *эволюционно* (способствовать развитию, совершенствованию, повышению степени организованности, адаптивности) и *инволюционно*. Но поскольку все сущее конечно (смертно), постольку и инволюционные, энтропийные процессы закономерны и, увы, неизбежны. В этом смысле девиация есть прорыв тотальной жизнедеятельности через (сквозь) социальную форму.

Проблема функций девиантности, допустимости и границ употребления термина служит предметом научного обсуждения. Так, А. М. Яковлев определяет функции организованной экономической преступности как стремление обеспечить незаконным путем объективную потребность, не удовлетворяемую в должной мере нормальными социальными институтами [6]. Не случайно обсуждение этих тем в России пришлось на до- и «перестроечное» время, в условиях деструкции общественно-экономической системы, активизации девиантных форм в экономической и социальной жизни. Преступные связи и отношения, элементы экономической преступности возникают там и постольку, где и постольку объективная потребность в организации и координации экономической деятельности не получает адекватного отражения в организационной и нормативной структуре экономики как социального института.

Функциональность «теневой экономики», включая нелегальное предпринимательство и коррупционные связи, подробно исследуется в работах И. Клямкина, Л. Тимофеева, Т. Шанина и др. Анализу функции взятки, коррупции посвящены труды В. Рейсмана, Л. Тимофеева [2].

С приходом «гласности», снятием табу на исследование отрицательных сторон российской действительности стал возможен анализ девиационных фактов, в частности имеющих место в армии. В 2001 г. вышла книга А. Г. Тюрикова «Военная девиантология: теория, методология, библиография», а в октябре 2003 г. в Тюмени состоялась научная

конференция на тему «Девиантология в России: история и современность».

В книге S. Palmer и J. Humphery приводится перечень латентных функций девиантного поведения: интеграция группы; влияние на формирование морального кодекса (правил) общества; «отдушина» для агрессивных тенденций; «бегство» или безопасный «клапан»; предупредительный сигнал о неизбежных социальных изменениях; действенное средство социальных изменений; средство достижения и роста (упрочения) самоидентификации; а

также иные функции. Функциональность организованной преступности была рассмотрена в книге «Криминология» (СПб., 2002).

В заключение выдвинем предположение. Категория «девиация» применима не только к социальным и культурным явлениям, но и может быть рассмотрена в антропологическом и биологическом ракурсе, как обозначение феномена вне конформистского существования и поведения с результатами и последствиями. Девиация является формой появления витальности человека и обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. М., 1965.
2. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000; Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999; Рейсмен В. М. Скрытая ложь: взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988; Тимофеев Л. Институциональная коррупция: очерки истории. М., 2000.
3. Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / под ред. В. В. Костюшева. СПб., 1999.
4. Пригожим И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
5. Шипунова Т. В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб., 2003. С. 20–35.
6. Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М., 1988.
7. McCaghy Ch., Carpon T. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition. Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994; McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. Allyn and Bacon, 2000.

REFERENCES

1. Koen A. Issledovaniye problem sotsial'noy dezorganizatsii i otklonyayushchegosya po-vedeniya // Sotsiologiya segodnya. M., 1965.
2. Klyamkin I., Timofeyev L. Tenevoy obraz zhizni: sotsiologicheskiy avtoportret postsovetskogo obshchestva. M., 2000; Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir / pod red. T. Shanina. M., 1999; Reysmen V. M. Skrytaya lozh': vzyatki: «krestovye pokhody» i reformy. M., 1988; Timofeyev L. Institutsional'naya korruptsiya: ocherki istorii. M., 2000.
3. Molodezhnye dvizheniya i subkul'tury Sankt-Peterburga / pod red. V. V. Kostyusheva. SPb., 1999.
4. Prigozhim I. Filosofiya nestabil'nosti // Voprosy filosofii. 1991. N 6. S. 46–52.
5. Shipunova T. V. Vvedeniye v sinteticheskuyu teoriyu prestupnosti i deviantnosti. SPb., 2003. S. 20–35.
6. Yakovlev A. M. Sotsiologiya ekonomicheskoy prestupnosti. M., 1988.
7. McCaghy Ch., Carpon T. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition. Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994; McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. Allyn and Bacon, 2000.